

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 49

1955

Константин ВАНШЕНКИН

В Е С Н А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 49

Константин ВАНШЕНКИН

В Е С Н А

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1955

Константин ВАНШЕНКИН

Константин Яковлевич Ваншенкин родился в 1925 году в Москве, в семье инженера. Участь в средней школе, вступил в комсомол. В 1942 году был призван в армию. Служил в воздушно-десантных войсках. Участвовал в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах.

После демобилизации проучился один год в Московском геолого-разведочном институте имени С. Орджоникидзе, затем перешел в Литературный институт имени А. М. Горького, который и закончил в 1953 году.

Первое стихотворение напечатал в 1948 году. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Огонек», «Смена», а также в центральных газетах.

Вышли сборники его стихов: «Песня о часовых» («Молодая гвардия», 1951), «Подарок» (Владимирское областное издательство, 1952), «Лирические стихи» («Советский писатель», 1953), «Портрет друга» («Советский писатель», 1955).

К. Ваншенкин — член КПСС с 1953 года.

СТАРШИНА

Из далекого Клина
Получил старшина
Телеграмму, что сына
Подарила жена.

На поверку построен
Весь личный состав.
Старшина перед строем
Соблюдает устав.

Старшина вызывает
По списку солдат.
Старшина назначает
На завтра наряд.

А в глазах его что-то
Особое есть.
Сразу чувствует рота
Хорошую весть.

Но нельзя шевелиться:
Дисциплина нужна.
...На знакомые лица
Глядит старшина.

Раздвигаются стены
Вокруг старшины,
От Можайска до Вены
Дороги видны...

В батальоне сыграли
Горнисты отбой.

Город Клин, не пора ли
Повидаться с тобой?

Ведь над городом Клином
Воздух словно вино,
Голосам соловьиным
Там раздолье дано.

Скрипнут новые двери.
Отпуск — месяц подряд.
«Надо будет проверить
Завтра утром наряд...»

Свет давно погасили,
Задремал старшина.
Над полями России
Тихо встала луна.

1949

* * *

Парашютные тонкие стропы
На поляне лежат под сосной.
Заросли партизанские тропы
Переспелой малиной лесной.

Нас дорога лишила покоя,
Мы с тобою ночами не спим.
А туманы плывут над рекою,
Словно сизый махорочный дым.

Солнце в тучи зашло — к непогоде...
Слышишь, гром прогремел в тишине?!
И дожди над хлебами проходят,
Как полки по родной стороне.

Всё-то снятся нам узкие тропки
И геологов трудный поход,
Пара спичек в последней коробке...
А дорога зовет и зовет.

...Сообщив изумленным соседям,
Что до поезда двадцать минут,
Мы однажды возьмем и уедем,
Пусть потом вспоминают да **ждут**.

1949

БЫВШИЙ РОТНЫЙ

В село приехав из Москвы,
Я повстречался с бывшим ротным.
Гляжу: он спит среди ботвы
В зеленом царстве огородном.

Зашел, видать, помочь жене,
Армейский навести порядок,
И, растянувшись на спине,
Уснул внезапно между грядок.

Не в гимнастерке боевой,
Прошедшей длинную дорогу,
А просто в майке голубой
И в тапочках на босу ногу.

Он показался странным мне
В таком наряде небывалом.
Лежит мой ротный на спине
И наслаждается привалом.

Плывут на запад облака,
И я опять припоминаю
Прорыв гвардейского полка
И волны мутного Дуная.

В тяжелой мартовской грязи
Завязали пушки полковые.
«А ну, пехота, вывози!
А ну, ребята, не впервые!..»

Могли бы плыть весь день вполне
Воспоминанья предо мною,

Наливает в умывальник воду
И, нарушив утренний покой,
Будит старшину и помкомвзвода,
Отделенных трогает рукой.

И они медлительно, как дома,
Чистые портянки в пальцах мнут.
Пять минут осталось до подъема,
Самых сладких утренних минут.

Солнце бьет в распахнутые двери,
Теплый ветер ходит вдоль стропил...
Даль видна. И я вот-вот поверю,
Будто вновь дневальным заступил,

Будто рота спит передо мною,
Видит сны и дышит горячо.
Я побудку слышу над странюю
И трясу сержанта за плечо.

1950

* * *

Зашел боец в избу напиться
И цедит воду из ковша.
Свежа студеная водица.
Хозяйка очень хороша.

Напился, закурил устало.
Она глядит на синий дым.
Муж у нее чудесный малый,
Ей хорошо, должно быть, с ним.

Бойцу ж ни холодно, ни жарко,
Его-то дело — сторона.
Вот разве что немного жалко
Бойцу, что замужем она.

1950

МАЛЬЧИШКА

Инне

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровождении преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал,

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил, —
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки —
Не зря ж его бояться, как огня...
И вдруг она сказала: — Там мальчишки...
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,

Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом, повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

1951

ВЕСНА

Начну с того, как по дороге вешней,
Сверкающей и залитой водой,
Вернулся я заметно повзрослевший
И в то же время очень молодой.

Себя на свете чувствующий прочно,
Прошедший земли все и города,
Вернулся я, еще не зная точно,
Идти ли мне учиться. И куда?

Но если мама попросту пугалась,
Что вдруг женюсь я в возрасте таком,
То год спустя она остерегалась,
Чтоб не остался я холостяком.

— Ну что ты все за книжку да за книжку?
Ведь этак вечно будешь одинок.
Гляди, у Коли Зуева — мальчишка,
А Коля помоложе ведь, сынок...

А я смеялся: — Не было заботы! —
И, закулив, сидел в стороне,
Как будто знал особенное что-то,
Доподлинно известное лишь мне.

Но я не знал (и в этом было дело),
Как любят настоящие сердца.
Я был самоуверен до предела
И не был откровенен до конца.

Я делал вид, что мне неинтересно
С девушками встречаться при луне,
А между тем мне было б очень лестно
Узнать, что кто-то тужит обо мне.

Но потому, что деланно-привычно
Не замечал вокруг я никого,
Мне вслед смотрели тоже безразлично
Студентки института моего.

Однажды, помню, с тощею тетрадкой
Я в институт на лекции пришел.
Был ясный день, и я вздохнул украдкой,
Садясь за свой нагретый солнцем стол.

Косясь на белобрысую соседку,
Которую, признаться, не любил,
Я не спеша тетрадь придвинул в клетку,
Потом проверил, хватит ли чернил.

Мигнул друзьям, устроившимся рядом,
Успел подумать: «Завтра выходной».
И в этот миг я вдруг столкнулся взглядом
С веселой однокурсницей одной...

Мы много раз встречались с ней глазами.
Но равнодушны были до сих пор,
И лишь теперь почувствовали сами,
Что не случайно глянули в упор.

Как будто вдруг, заметно еле-еле,
Великий врач коснулся наших глаз,
Чтоб мы в одно мгновение прозрели,
Заметив, сколько общего у нас.

Увидел я: не нужно быть искусным,
Стараться красноречьем покорить.
С ней и веселым можно быть и грустным.
С ней, как с самим собою, говорить.

А все, что было свойственно мне раньше,
О чем пришлось мне нынче рассказать,
Весь тот налет мальчишества и фальши
Хоть не исчез, но начал исчезать.

И это было как столпотворенье,
Как в полночь свет ликующего дня,
Достойное Филатова прозрение,
Внезапно поразившее меня.

Упала с глаз мешающая сетка,
И яркий мир предстал передо мной,
И даже белобрысая соседка
Мне показалась милой и смешной.

Влюбленная в заслуженных артистов,
Она сидела около окна
Вся сплошь в таких веснушках золотистых,
Как будто впрямь на улице весна...

Быть может, раздавались за стеною
Звонки трамваев, чьи-то голоса.
Не слышал я. Сияли предо мною
Почти родными ставшие глаза.

Раздумье их, улыбку и слезу их
Я так пойму, я так смогу им внять,
Как даже твой хваленый Коля Зуев
Не смог бы, мама, этого понять.

Произносил красивые слова я
И в школе и порою на войне,
Едва ли даже смутно сознавая,
Какие чувства кроются во мне.

Прошедшая дорогою военной
Была нелегкой молодость моя.
Но тут я глубже понял жизни цену
И смысл того, что мог погибнуть я.

1951

СЕРДЦЕ

Я заболел. И сразу канитель:
Известный врач, живущий по соседству,
Сказал, что нужно срочно лечь в постель,
Что у меня весьма болезненное сердце.

А я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Я попросту не чувствовал его,
Оно ни разу в жизни не болело.

Оно жило невидимо во мне,
Послушное и точное на диво.
Но все, что с нами было на войне,
Все сквозь него когда-то проходило.

Любовь, и гнев, и ненависть оно,
Вобрав в себя, забыло про усталость.
И все, что стерлось в памяти давно,
Все это в нем отчетливым осталось.

Но я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Ведь я совсем не чувствовал его,
Оно ни разу даже не болело.

И, словно пробудившись наконец,
Вдруг застучало трепетно и тяжело,
Забилось, будто пойманный птенец,
Засунутый, как в детстве, под рубашку.

Он рвался, теплый маленький комок,
Настойчиво и вместе с тем печально,
И я боялся лечь на левый бок,
Чтобы его не придавить случайно...

Светало... За окошком, через двор,
Где было все по-раннему пустынно,
Легли лучи. Потом прошел шофер,
И резко просигналила машина.

И стекла в окнах дрогнули, звеня,
И я привстал, отбросив одеяло,

Хоть это ждали вовсе не меня
И не меня сирена вызывала.

Открылась даль в распахнутом окне,
И очень тихо сделалось в квартире.
И только сердце билось в тишине,
Чтоб на него внимание обратили.

Но гул метро, и дальний паровоз,
И стук буксира в Химках у причала —
Все это зазвучало, и слилось,
И все удары сердца заглушало.

Верней, не заглушало, а в него,
В певучий шум проснувшейся столицы,
Влились удары сердца моего,
Что вдруг опять ровнее стало биться.

Дымки тянулись медленно в зенит,
А небо все светлело и светлело,
И мне казалось — сердце не болит,
И сердце в самом деле не болело...

...Ты слышишь, сердце?

Поезда идут.

На новых стройках начаты работы.
И нас с тобой сегодня тоже ждут,
Как тот шофер в машине ждет кого-то.

Прости меня, что, радуясь, скорбя,
Переживая горести, удачи,
Я не щадил как следует тебя...
Но ты бы сердцем не было иначе.

1952

ЗАПЕВАЛА

Рота шла по городу устало,
Пыль походов на плечи легла.
Но завел веселый запевала
Песню про геройские дела,

И мгновенно рота подровнялась,
А случилось это потому,
Что она невольно подчинялась
Молодому голосу тому.

В нем гремели звонкие подковы,
Сталь сверкала в яростном бою.
Обладатель голоса такого
Шел и пел, затерянный в строю.

И девчонке смуглой, что уселась
На ступеньках старого крыльца,
Вдруг необъяснимо захотелось
Увидать поющего бойца.

И она с туманящимся взглядом
Поднялась, не видя ничего,
И пошла с пехотной ротой рядом
За звенящим голосом его.

И пошла за голосом куда-то
У знакомых встречных на виду,
И ее заметили солдаты
И глаза скосили на ходу.

И казалось, вот он, запевала,
Но солдаты грянули припев,
И девчонка медленно отстала,
Увидать героя не успев...

Но мотив солдатской песни славной
В памяти остался навсегда,
Да еще — как улицу главной
Рота шла в те давние года.

1952

* * *

Земли потрескавшейся корка.
Война. Далекие года...
Мой друг мне крикнул: — Есть махорка?..
А я ему: — Иди сюда!..

И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету,
А я махорку доставал.

Слепил цыгарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
— Ты сам прикуривай сперва...

От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.

И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла на его губах.

И я не мог улыбку эту
Забыть в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не смог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

1952

ВЕРНОСТЬ

Затихли грозные раскаты,
Свершилось мира торжество.
К вдове погибшего комбата
Заехал верный друг его.

Сошел на станции и пеший
Прошел он верст примерно пять.

Не для того, чтобы утешить —
Чтоб вместе с ней погоревать.

Он на крыльце поставил вещи
И постучал в косяк окна.
Он не знаком был с нею прежде,
Лишь знал — красавица она.

Он красоту ее увидел,
Едва лишь глянул на свету,
И вдруг почти возненавидел
Ее за эту красоту.

Он представлял ее другою:
Жена погибшего. Вдова.
А эта может быть вдовою,
Пожалуй, год, от силы — два.

Перенесет она разлуку
И снова жизнь начнет свою.
И он душой страдал за друга
Так, словно сам погиб в бою.

И словно кто его обидел,
Встав, как соперник, на пути,
Он всех мужчин возненавидел,
Что могут впредь сюда войти...

...А было в комнате уютно,
Легко текла беседы нить.
И вдруг мучительно и смутно
Не захотелось уходить.

И в то же самое мгновенье
Он ощутил в своей груди
И робость, и благоговенье,
И неизвестность впереди.

Она предстала в новом свете,
Явилась в качестве ином...
Уже настал конец беседе,
И рассветало за окном.

Осенний дождь стучал уныло,
О чем-то давнем выводя.
Лишь до порога проводила
Она его из-за дождя.

Он под дождем слегка согнулся,
Пошел, минуя мокрый сад.
Сдержался и не оглянулся
На дом, где прежде жил комбат.

1953

МЛАДШИЙ БРАТ

На зорьке юности туманной
Как я ее боготворил!
Фонарик новенький карманный
Ее братишке подарил.

Но был подарок неудачен:
Он брата слишком восхищал.
И нас в саду, за тихой дачей,
Порой некстати освещал.

Стояла там, в саду, скамейка.
И всей душою был я рад,
Когда сгорела батарейка
И в темноте остался брат.

По всей смешной его фигуре
Глазами грустными скользя,
Сказал я, брови скорбно хмуря,
Что тут помочь уже нельзя.

И он поверил, чуть не плача,
И отошел, судьбу кляня.
Но эта легкая удача
Смутила несколько меня.

Держался в горе он, как надо,
И я, признаться, был бы рад,

Чтоб стал со мной за панибрата
Ее потешный младший брат.

Облокотившись на перила,
Мы б говорили про нее.
Не у него в то время было
Мировоззрение свое.

Свои мечты, друзья-мальчишки,
Азарт мальчишеской игры.
И дела не было братишке
До смутных чувств его сестры.

А чувства вправду были смутны.
Под вечер, сидя у окна,
Наверно, их в тоске минутной
Себе придумала она.

И часто я, простившись с нею,
Тревожно думал до утра,
Что брат характером цельнее
И откровенней, чем сестра.

Грустнее было с каждым разом
Мне на свиданиях... И я
Ему отчасти был обязан
Тем, что прошла любовь моя.

...О, как бы мне хотелось снова
С ним встретиться, поговорить
И что-нибудь, как знак былого,
Ему на память подарить.

1953

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Зимних сумерек тонкие краски
Удивительно дороги мне.
Сколько доброй, застенчивой ласки
В осветившемся первом окне!

Сколько легкой, волнующей грусти,
Так и рвущейся из берегов,
В тишине и в медлительном хрусте
Раздающихся где-то шагов!

Нет мороза сегодня в помине.
Ожидается скоро теплынь.
И торчит на бескрайней равнине
Из-под снега сухая полынь.

И приходят хорошие мысли,
И мечты у тебя широки...
В небе первые звезды повисли,
В окнах тоже горят огоньки.

Постепенно все больше темнеет.
Лишь вдали, где на взгорке село,
Так полоска зари пламенеет,
Словно там еще день и светло...

1954

РАННИЙ ЧАС

Туманы тают. Сырость легкая.
И, ежась, вздрагивает сад.
Росинки падают неловкие.
Заборы влажные блестят.

Еще лежит на травах изморозь,
Не шелохнется речки гладь.
И вся природа словно выпалась
И только ленится вставать.

1954

* * *

С воодушевленьем и задором
Девочка, беспечна и горда,
Говорит, захваченная спором,
Что не выйдет замуж никогда.

И подружки страшно горячатся,
Спорят — ничего не разберешь.
Рассуждают: можно ли ручаться?
И решают: можно, отчего ж!

Только мать молчит, не двинет бровью,
Но потом не спится ей в ночи.
Скоро дочка встретится с любовью:
Больно споры эти горячи...

1954

* * *

К чему копить ничтожные обиды,
Им не давать исчезнуть без следа,
Их помнить, не показывая вида
И даже улыбаясь иногда?

Они мелки, но путь их страшно долог,
И с ними лучший праздник нехорош.
Они, как злой блуждающий осколок:
Болят внутри, а где, не разберешь.

Вот почему я их сметаю на пол,
Пусть не все, но бóльшую их часть.
Осколок только кожу оцарапал,
А мог бы в сердце самое попасть.

1954

* * *

Бывает, в парке в летний вечер
Заметишь нескольких девчат.
Они идут тебе навстречу
И что-то тихо говорят.

Но вот тебя в листве зеленой
Увидят — и наперебой,
Пожалуй, слишком оживленно
Заговорят между собой,

Как бы самим себе внушая,
Что нет им дела до тебя,
И в то же время обращая
Твое внимание на себя...

...А мне милее на рассвете
Среди полей встречать девчат.
Они, вдали тебя заметив,
Как по команде, замолчат.

И, приближаясь тропкой росной,
Некстати речь не заведут.
Преувеличенно серьезно
Пройдут. Но только лишь пройдут,

Вмиг о серьезности забудут.
И засмеются. И не раз
Потом оглядываться будут,
Пока не скроешься из глаз...

1954

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Поэма

1

Пурга мела старательно и долго.
Была равнина снежная бела.
В притихший дом рабочего поселка
Бумага похоронная пришла.

И комната всплыла легко и зыбко,
И лампа черным вспыхнула огнем.
И мать хотела крикнуть: — Здесь ошибка!
Не может быть! Ведь это не о нем!..

Хотела крикнуть, но не закричала.
Взяв осторожно лампу со стола,
Средь комнаты в раздумье постояла
И тихо к фотографиям прошла.

Одна к одной — их целая витрина,
Полжизни на бревенчатой стене.
И мать глядела пристально на сына...
Все это было смутно, как во сне.

Потом сидела, не меняя позы,
Рукою по клеенке проводя,
Как в этот миг нужны ей были слезы!
Но тем и страшен зной, что нет дождя.

Она сидела, странно цепenea,
Еще не понимая ничего.
А сын стоял веселый перед нею,
И мать всю ночь глядела на него.

Она его на бой благословляла...
А нынче, сидя около стола,
То маленьким, то взрослым представляла
И лишь представить мертвым не могла...

2

Кто жил в глуши, где тишина лесная,
Где дали неоглядно широки,
Где шум ветров,— тот, несомненно, знает,
Что значат здесь фабричные гудки.

В Москве они заслонены обычно
Домами небывалой высоты,
В Москве их слышать людям непривычно
Средь деловой веселой суеты.

А здесь они гуляют на свободе.
В домах встают по первому гудку,
Второй заслышав,— из дому выходят,
По третьему — становятся к станку.

И в это утро чисто и знакомо
Летел, звучал над крышами гудок.
Он звал ее. И вышла мать из дома,
Уже не спал рабочий городок.

Как девочка, что осенью голодной
Пришла сюда из дальнего села.
Вот так же в цех вошла она сегодня
И мастеру бумагу подала.

И он, друг мужа, глянул
и, бледнея,
Вернув бумагу, замер у окна.
Беспомощный стоял он перед нею...
Но снова не заплакала она.

Слова обыкновенные ничтожны —
Мы это научились понимать.
В молчании, сурово и тревожно,
Стояли все, боясь взглянуть на мать.

Но кто-то вдруг, шагнув из полумрака,
Стал говорить о том, что вот к одним
Пришла сперва такая же бумага,
А сын был жив и даже невредим.

Он был в тылу врага, и партизанил,
И получил награду не одну...
Таких историй, песен и сказаний
Мы слышали немало за войну.

А в этот миг под сводом застекленным,
Взломав молчанья тяжкого ледок,
Как звук трубы над спящим батальоном,
Взлетел протяжный, рвущийся гудок.

Он хрипло звал в далекий край победы,
Напоминал — дорога нелегка...
Усталые склонялись военпреды¹,
Почти не покидая ОТК².

¹ Военные представители на заводе.

² Отдел технического контроля.

...Был перерыв. Безмолвно, как немая,
Стояла мать в пролете у окна.
Смотрела, ничего не понимая...
И Нью вдруг увидела она.

Она давно слыхала это имя:
Его упоминали всякий раз,
Когда, с друзьями встретившись своими,
Сын умолкал, на стол облокотясь.

Тут начиналось: — Есть такая — Ньюра...
— Ты что, не объяснился до сих пор?.. —
А сын краснел, отмахиваясь хмуро:
— Давайте кончим этот разговор!..

Но в серый день минувшею зимою,
Когда шумел запруженный вокзал,
Сперва простившись с матерью родною,
Он девушку при всех поцеловал.

И хоть была суровою разлука
И предстоял солдатам дальний путь,
Она и мать успели друг на друга
Тайком, как могут женщины, взглянуть.

И мать тогда взглянула суховато,
Как будто чем обидели ее,
А девушка — немного виновато,
Но сохранив достоинство свое...

...А поезд шел размашисто и круто,
Белесый дым исчез уже вдали.
Они еще стояли... Почему-то
Друг к другу там они не подошли.

А нынче словно кто-то взял за плечи,
И подтолкнул, и вымолвил: — Иди!
Мать поспешила девушке навстречу,
Удары сердца чувствуя в груди.

И та навстречу двинулась неловко,
Пошла быстрее, стараясь не бежать,
Застегивая синюю спецовку
И глядя умоляюще на мать.

Мать замерла, не в силах сделать шага.
Сказать хотела что-то — не смогла,
Хотела вынуть страшную бумагу —
Не вынула, а Ньюру обняла.

И, не пытаясь отойти в сторонку,
А тут же, на проходе, у окна,
Увидев, как заплакала девчонка,
Впервые зарыдала и она.

3

Как все сложилось горестно и странно!
Входить бы ей впервые в этот дом
Под перебор веселого баяна,
Шутя, смеясь... Но тихо все кругом.

И, встреченная чуткой тишиною,
Она вошла с поникшей головой,
В свой век еще не ставшая женою,
Она отныне сделалась вдовой.

Она стояла — бывшая невеста:
«Что это я? Не плачу ли опять?
Для слез найти другое можно место,
Другое время можно подыскать».

И вот уже, серьезно сдвинув брови,
Как будто мужа добрая жена,
Хотевшая понравиться свекрови,
Все прибирала в комнате она.

А через час они уже глядели,
Как за окном кружится синий снег,
И пили чай. Посмотришь, в самом деле,
Как будто вместе жили целый век.

Их горе небывалое сплотило,
Оно объединило их в пути.
...И каждый день к ней Ньюра приходила.
А разве можно было не прийти?

Вприкуску выпив жиденького чаю,
Они садились вместе на кровать.
Мела метель, дубы в саду качая.
И Нюра оставалась ночевать.

А как-то раз сказала мать со вздохом,
Рукою проводя по седине:
— Слыхала я, что в общежитье плохо.
Перебиралась, право бы, ко мне...

Иль правда в общежитье было худо,
Иль что другое этому виной,
Но только Нюра впрямь ушла оттуда,
Перебралась в ближайший выходной.

Гудел, и пел, и бился возле входа
Буран. И не хотелось говорить.
Мать думала: вернется сын с похода,—
Как станет он ее благодарить...

Для них теперь все общим в жизни было —
Одна и та же радость и тоска.
Ведь каждая из них его любила
И тем уже другой была близка.

4

Зима кончалась. Вешний тонкий запах
Струился вслед ликующим лучам.
А фронт все дальше двигался на запад,
Уже светились окна по ночам.

Уже затихли зимние метели,
И под наплывом вешнего тепла
Снега сошли, сосульки облетели,
Земля чего-то нового ждала.

И льдины вниз прошли поодиночке,
Бурля, текли ручьи во все концы,
И крохотные дерзкие листочки
Наружу пробивались, как птенцы.

И день настал... До памятного года
Он был обычным, незаметным днем,
А стал великим праздником народа,
Веками будет память жигь о нем.

И день настал. Вослед за Первым маем
Весеннее девятое число
Под гром стволов, что длился нескончаем,
Знаменами победы расцвело.

...А мать ждала и слушала в волненье:
Приехал тот, вернулся тот и тот...
И вдруг явилось страшное сомненье:
Что, если вправду мальчик не придет?

...Нет, никому такое не под силу.
Пойми, что бесполезно стало ждать!
Но мать ждала. А что ей делать было?
На то она, наверное, и мать.

И в каждом взгляде, в каждом робком жесте
Сквозило ожидание одно.
Они, как прежде, жили с Нюрой вместе,
Казалось, так навеки решено.

В июле Нюра ездила два раза
На совещанья в город областной.
Мать выслушала нюрины рассказы
Без интереса, словно стороной.

Все Нюра ловко делала, умело,
И, приглядысь внимательнее, мать
Заметила, что та похорошела,
И это стало глухо раздражать...

...Был тихий вечер на исходе лета.
Спокойно у раскрытого окна
Сидела мать, не зажигая света.
Светила ярко полная луна.

И вдруг вдали возникли две фигуры.
Шли под руку вдоль спящих тополей.
Вгляделась мать и угадала Нюру,
А рядом с ней... Но кто же рядом с ней?..

И на одно короткое мгновенье,
Как молния, в мозгу мелькнуло: «Он!..»
И мать привстала, напрягая зренье...
Но темнота ползла со всех сторон.

Опять луна равнину осветила.
И каждым нервом чувствовала мать,
Как Нюра что-то нежно говорила,
Не разрешая дальше провожать.

Вот попрощалась за руку... Не сразу,
Оглядываясь, медленно пошла...
Что ей сказать? Найти какую фразу?
И мать застыла около стола.

Так, словно что-то вдруг соображая,
Сидела мать, не подымая глаз:
«Откуда эта женщина чужая?..»
И обе промолчали в этот раз.

Но час пробил, когда, дыша неровно,
Шагнула Нюра прямо к рубежу,
Сказав: «Простите, Ксения Петровна,
Но только я... я замуж выхожу...»

Сказала и заплакала, как будто
Пришел один из самых горьких дней.
Такие слезы — ровно на минуту, —
Нет, мать не стала плакать вместе с ней.

А плача ночью, думала сурово:
«Пожалуй, песня старая верна,
Что, мол, жена найдет себе другого...
Но, впрочем, Нюрка даже не жена...»

То вдруг по-детски думала серьезно:
Вернется сын, быть может, в этот год,
Спохватится она, да будет поздно,
А сын себе красавицу возьмет...

Рассвет вставал, томителен и долог,
И было все наполнено тоской...
А нюрин муж — слыхала мать — геолог,
Ну, в общем, человек не заводской...

Цвели цветы. Светило солнце ясно.
 Росли дома — за новым домом дом.
 Но мать смотрела как-то безучастно
 На все происходящее кругом.

Вновь по гудку вставала ранней ранью,
 Шла на работу, как заведено,
 И посещала общие собрания,
 А после них смотрела и кино.

Порой гулять ходила, и к знакомым,
 И наводила в комнате уют.
 Но дом ее — он стал печальным домом,
 Где больше никого уже не ждут.

Придешь домой, и — вольно иль невольно —
 К тебе воспоминания опять.
 И так от них безрадостно и больно,
 Что хочется из дома убежать.

Но это можно — убежать из дома, —
 Куда бежать от горя своего?
 Три раза приходили из завкома:
 Хотят узнать, не нужно ли чего.

А что ей нужно? Ничего не нужно!
 Она сидит и вздрагивает вдруг
 И, вновь забывшись, смотрит равнодушно
 На все происходящее вокруг...

Ее послали в лучший санаторий,
 Хотя не хотела этого она.
 И вот пред ней, шумя, предстало море,
 Плеснула в берег звонкая волна.

И пляжи ей понравились сначала
 И водяная острая пыльца.
 Прошла неделя — мать уже скучала
 И еле досидела до конца.

И поезд шел, соперничая с тенью,
 Бегущей рядом, около колес...

И вдруг возникло скрытое волнение,
Неясное и сладкое до слез.

Скорей, скорей! Ей тягостно в вагоне!
И вырос пред глазами городок.
Стоял дежурный на пустом перроне.
И ровно плыл над городом гудок.

В росе горели солнечные блески,
А возле новой школы, под горой,
Росли беспечно юные березки
С еще не побелевшею корой.

Клубился пар, и высыхали крыши.
Бежали дети в школу налегке.
А солнце поднималось выше, выше,
И радио звучало вдалеке.

И плыл гудок, подхвачен гулким эхом,
Минуя Дом культуры и вокзал.
И все цвело... Когда бы сын приехал,
Наверно, городка бы не узнал.

6

Прошло три года... Не было в помине
Войны... А мать на пенсии уже.
Она все чаще думала о сыне
Не как о взрослом — как о малыше.

Гуляя в парке, на детей смотрела
И думала: «Таким же был и мой...»
Вот и сейчас увидела пострела,
Он упирался — не хотел домой.

И Ксения Петровна улыбнулась,
А мальчик засмеялся ей в ответ.
Мать мальчика случайно обернулась
И замерла... Подумать, сколько лет!

Мать подошла: — Скажите-ка на милость!
Да, столько лет прошло уже с войны.

А ты не очень, Ньюра, изменилась... —
И были обе чем-то смущены.

— Как муж?
— Спасибо. Он сейчас в отъезде.
Домой к зиме вернется, как всегда...
— Живете где?
— Живем на новом месте —
В том сером доме, в центре, у пруда...

А что еще сказать друг другу надо?
Неужто все? Да, женщины молчат...

И вдруг они увидели солдата,
По солнечному парку шел солдат.

Он шел из увольнения, наверно,
Он шел среди колясок и детей,
Руками в такт покачивая мерно,
Гордясь отличной выправкой своей.

Он шел среди великого покоя,
Ему от силы было двадцать лет.
Он шел, довольный жизнью и собою.
Он уходил... Они глядели вслед...

Потом переглянулись... Ранней ранью
Гудит гудок — навек прощай, покой!
И хлынули на них воспоминанья
Огромною бушующей рекой.
Гудит гудок... Тревожно на заводе...
Идут войска по улице... Война.
Гудит гудок... Две женщины в пролете,
Обнявшись, тихо плачут у окна.
Метет метель, дубы в саду качая,
Свистит метель, поет всю ночь подряд.
Вприкуску выпив жиденького чаю,
Две женщины, задумавшись, сидят...
...А на песке дрожали веток тени.
Две матери сидели не дыша.
Малыш взобрался к старшей на колени,
И мать поцеловала малыша.

1954

СОДЕРЖАНИЕ

Старшина	3
«Парашютные тонкие стропы...»	4
Бывший ротный	5
«Ехал я в штабном автомобиле...»	6
«Зашел боец в избу напиться...»	7
Мальчишка	8
Весна	9
Сердце	12
Запевала	13
«Земли потрескавшейся корка...»	14
Верность	15
Младший брат	17
Зимние сумерки	18
Ранний час	19
«С воодушевленьем и задором...»	19
«К чему копить ничтожные обиды...»	20
«Бывает, в парке в летний вечер...»	20
Сердце матери (поэма)	21

Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

А 05684. Подписано к печати 26/XI 1955 г. Тираж 150 000. Изд. № 958.

Заказ № 2293. Формат бумаги 70 × 108¹/₃₂. 0,5 бум. л.— 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

ОРГАНЫ ГОССТРАХА СССР

ЗАКЛЮЧАЮТ ДОГОВОРЫ

СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

по которым выплачивают страховые суммы
застрахованным лицам и их семьям.

На страхование принимаются с врачебным
освидетельствованием и без освидетельство-
вания лица в возрасте от 16 до 60 лет на раз-
личные сроки и страховые суммы.

●
**ЗАКЛЮЧАЙТЕ ДОГОВОРЫ
СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ!**

За справками об условиях страхования и для
заключения договора обращайтесь в инспек-
цию или к агенту Госстраха.

*Главное Управление
государственного страхования СССР*